

РУССКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Иллюстрации Игоря Егунова

#эксмогетство

Москва
2019

УДК 398.21(=161.1)-053.2
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Р89

Русские волшебные сказки / ил. Игоря Егунова. — Москва : Эксмо, 2019. —
Р89 144 с. : ил.

УДК 398.21(=161.1)-053.2
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-699-97061-2

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В стародавние времена в некотором царстве, в некотором государстве, за семью морями да за семью горами жил-был царь, а у царя было трое сыновей. Старший — умный, средний — ни так ни сяк, а младший, Иван-царевич, — дурачок.

Вот как-то раз и говорит им царь:

— Сынки мои милые, молодые царевичи! Скоро уж мне время помирать, надо бы из вас себе наследника выбрать. Велю я вам три дела сделать; кто их лучше других исполнит, тому я царство и передам. Для первого раза достаньте себе по коню: конь витязю в бою верный товарищ. Завтра ваш выбор глядеть буду.

Призадумались старшие царевичи, да делать нечего — нужно коней доставать. Сейчас слуг разослали по торгам да по конским заводам с наказом рано наутро привести к ним самых что ни есть лучших коней. А Иван-царевич взял свой тугой лук со стрелами и пошёл куда глаза глядят.

«Где уж мне, — думает, — со старшими братьями тягаться!»

Идёт Иван-царевич чистым полем, глядь — по-над самой землёй малая птичка малиновка перепархивает, из стороны в сторону мечется, а над ней коршун вьётся, хочет её поймать. Пожалел Иван-царевич птичку малиновку, наложил на лук калёную стрелу и выстрелил; просвистела стрела мимо коршуна, тот взвился высоко в небо, а птичка прочь улетела.

«Эх, — думает Иван-царевич, — стрелы только жалко, надо пойти отыскать её».

Пошёл он в ту сторону, шёл-шёл, вдруг видит: у болота старая дуплистая ветла растёт, а в ветлу его стрела воткнулась, да так, что только перья видны. Стал он её вытаскивать — не поддаётся.

«Что ж, — думает Иван-царевич, — дай-ка в дупло влезу, оттуда стрелу вытащу».

Влез он в дупло, да и провалился под землю.

Смотрит: комната, богато убранная. Посреди комнаты золотое кресло, а на кресле сидит Лягушка с доброе ведро ростом, да такая гладкая, противная, что смотреть тошно.

— Здравствуй, Иван-царевич, — говорит Лягушка. — Зачем ко мне пожаловал?

— Нечаянно к тебе провалился, — говорит Иван-царевич.

— Ну, бывает и случай на руку, — говорит Лягушка. — Что это ты, царевич, погляжу я, невесел; точно забота, печаль у тебя какая есть?

— А хоть бы и была забота — не твоя. Разве ты мне поможешь? — говорит Иван-царевич.

— Может, и помогу, — говорит Лягушка, — рассказывай-ка.

Рассказал Иван-царевич Лягушке про задачу, что отец ему и братьям задал. Лягушка призадумалась и говорит:

— Ква-ква-ква! Пустая твоя печаль. Я тебе такого коня дам, про какого твои братья и не слыхивали. Только с уговором: что я у тебя буду просить, в том ты мне не отказывай.

«Чего у меня Лягушка просить будет? — думает Иван-царевич, — червяка или козявку».

— Ладно, — говорит. — Сослужи мне эту службу, а я тебе в твоей просьбе не откажу.

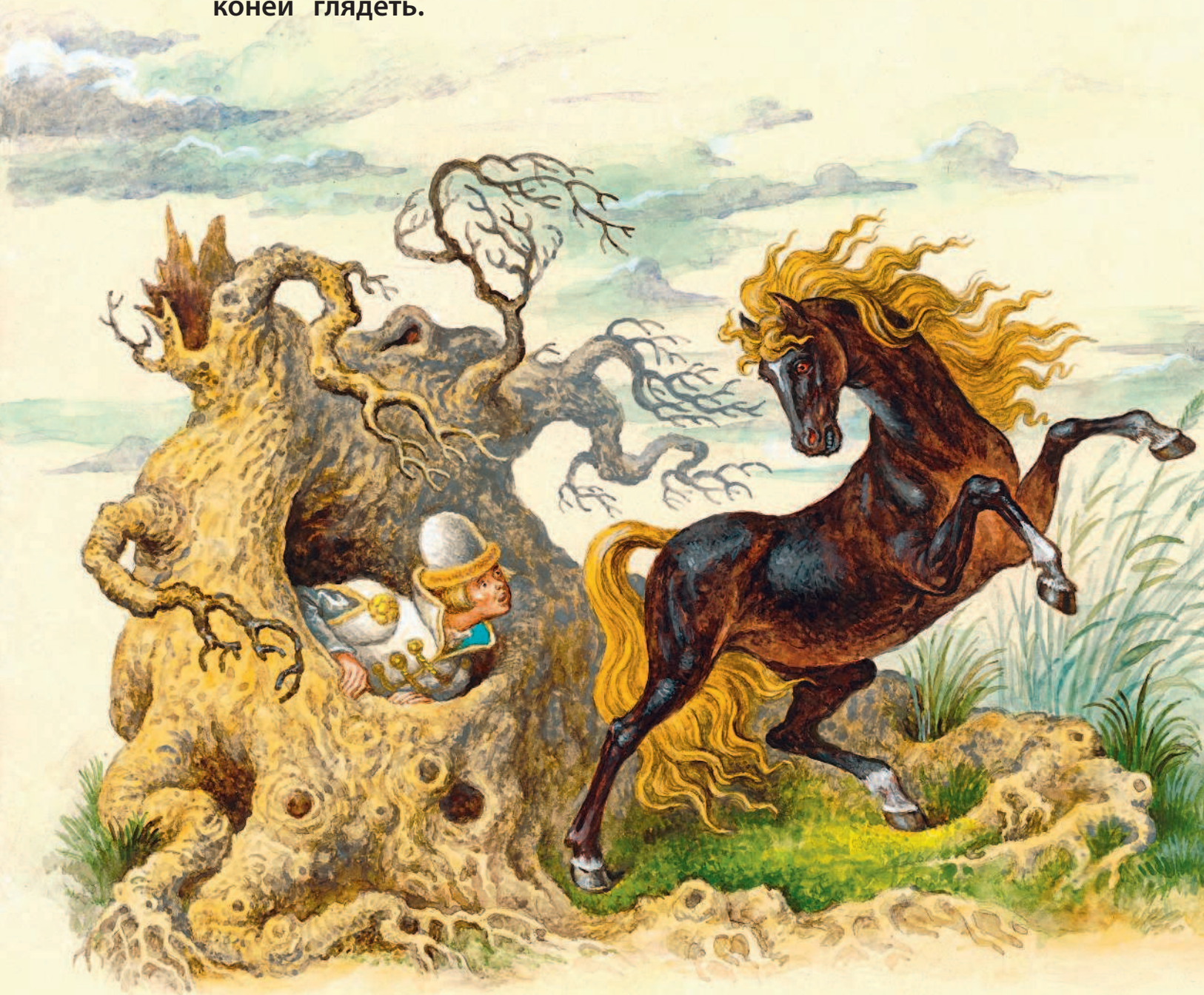

Крикнула-свистнула Лягушка:

— Эй, слуги мои верные! Приведите наверх к моему крыльцу того коня, на котором у моего батюшки воду возят!.. Ну а ты, Иван-царевич, выходи назад через дупло, на белый свет, только своё царское слово помни!

Вылез Иван-царевич наверх да так и ахнул: стоит у ветлы вороной конь красоты неописуемой, смотрит гордо, словно орёл; ноги точёные, тонкие ноздри как пламя пышут; сам весь гладкий, шелковистый. Вскочил на него Иван-царевич да и поскакал.

На другое утро вышел старый царь на крыльцо и стал коней глядеть.

У старших братьев хороши кони, только перед конём Ивана-царевича — всё равно что водовозные клячи.

— Хорош по виду твой конь, Иванушка, — говорит царь, — но погляжу, каков-то в бою будет.

Сейчас приказал он полку солдат стать возле коней, из ружей выпалить. Кони старших царевичей испугались, на дыбы встали, седоков сбросили и пустились в поле со всех ног, а Ивана-царевича конь, только пальбу услышал, прямо в самый дым так и кинулся: зубы оскалил, задом-передом бьёт... Солдаты и ружья побросали, бегут кто куда.

— Стой, — кричит царь, — сдержи коня, сынок! Лучше твоего, кажись, и на свете нет!..

Только чуть назад наклонился седок — конь стал как вкопанный. Поднялись тут старшие братья, подошли.

— Ну, — говорит царь, — теперь, детки, я вам другую задачу задам. Приведите мне каждый по самому своему верному другу-приятелю. Погляжу я: у кого из вас настоящий товарищ есть, тому легче будет и царством править, с недругами управляться.

Пошли старшие братья по приятелям, друг перед другом стараются лучшего выбрать, а Иван-царевич пошёл один в чистое поле.

«Какие, — думает, — у меня верные друзья есть? Как я их угадаю?»

Идёт он куда глаза глядят, вдруг пришло ему на ум: «Не пойти ли мне опять к Лягушке, которая коня дала? Может, она и теперь мне поможет».

Отыскал Иван-царевич ветлу у болота, спустился в дупло. Лягушка тут и есть, сидит по-прежнему на золотом кресле, таращит на него глаза и усмехается.

— Зачем, — спрашивает, — опять, царевич, ко мне пожаловал?

Рассказал ей Иван-царевич про новую отцовскую задачу, а она говорит:

— И на этот раз я тебе помогу; добуду тебе такого товарища, вернее которого на свете не найти, только помни, что ты мне обещал.

— Ну, — говорит Иван-царевич, — сказал уж я, что не будет тебе от меня отказа, что бы ни попросила. А царское слово неизменное.

Свистнула-крикнула Лягушка:

— Эй, слуги мои верные, приведите к моему крыльцу ту собаку, что у моего батюшки овец стережёт!

Иван-царевич вышел наверх, да так и ахнул, чуть со страха назад в дупло не воротился: лежит у ветлы собака, страшная, огромная, с доброго медведя ростом. Лежит, а сама в глаза ему смотрит, хвостом виляет. Собрался Иван-царевич с духом, подошёл к ней — она встала, руку ему лизнула и за ним пошла.

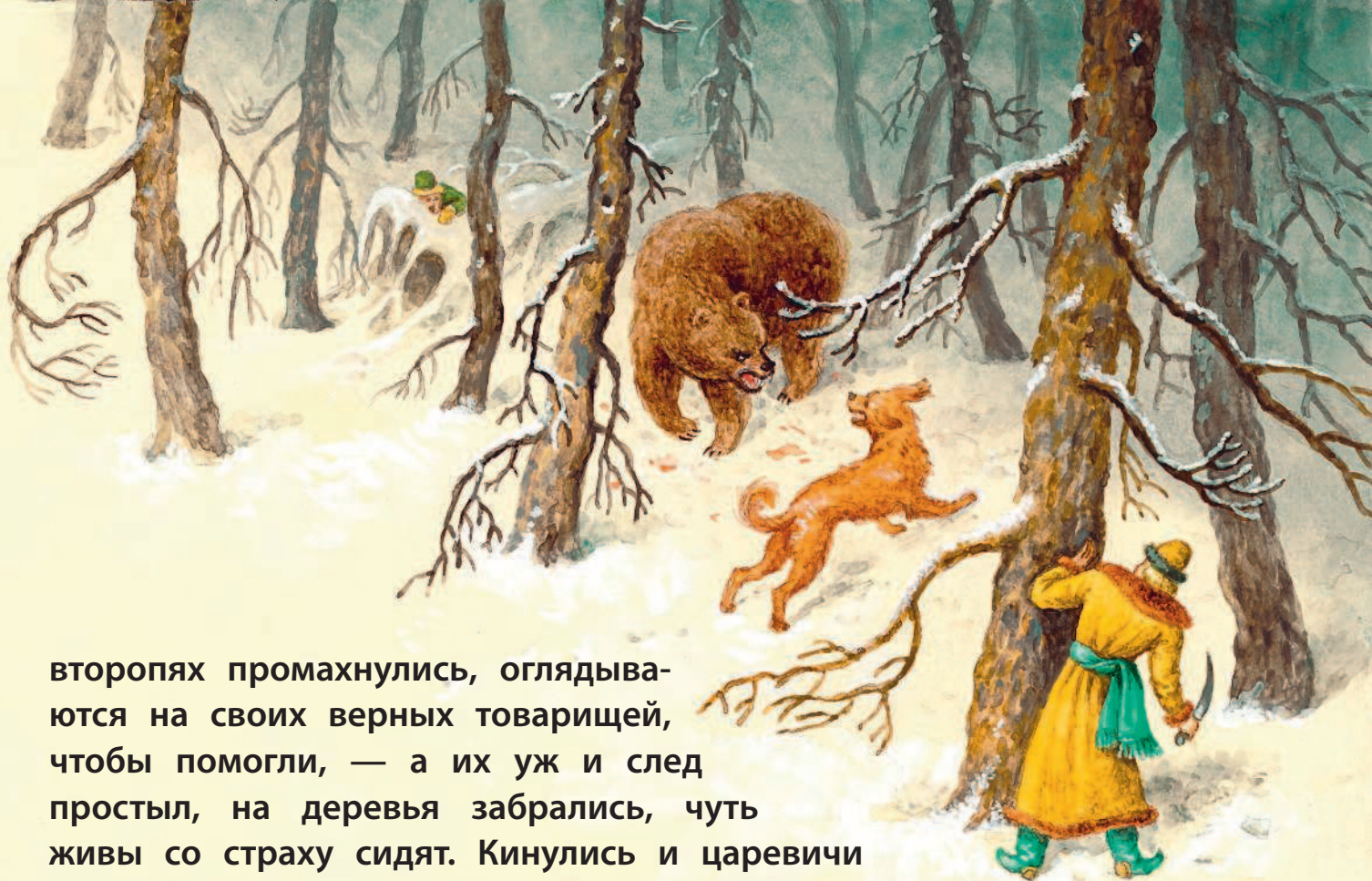
Наутро приходят к отцу старшие царевичи, и каждый с собою не одного, а двух приятелей ведёт. И Иван-царевич с собакой пришёл. Взглянул царь на собаку и усмехнулся. А братья давай над Иваном-царевичем потешаться:

— Хорош у тебя, братец, приятель. Должно быть, куда весело с ним компанию водить!

— Ну, ладно, — говорит царь, — вот придёт случай, испытаем ваших товарищей.

Через некоторое время выехал царь на охоту; старших сыновей с товарищами взял, и Иван-царевич со своим псом тоже поехал. Пустили в лес собак; собаки бегают, лают, зверей гонят, а Ивана-царевича пёс ни на шаг от него не отходит, так в глаза и глядит.

Едут охотники все вместе; вдруг из чащи вышел страшный медведь, поднялся на задние лапы и пошёл прямо на старших царевичей. Те было стрелять, да

второпях промахнулись, оглядываются на своих верных товарищей, чтобы помогли, — а их уж и след простыл, на деревья забрались, чуть живы со страху сидят. Кинулись и царевичи наутёк, по деревьям попрятались. А медведь так и ломит на старого царя с Иваном-царевичем. Выстрелили и они — только взревел медведь и ещё пуще освирепел... Видит царь: беда неминуемая. Оглянулся Иван-царевич на своего пса да свистнул... Увидал пёс, что хозяин его на помощь зовёт, — и кинулся на медведя, точно стрела пущенная, да так и впился медведю в глотку. Обхватил его медведь, заревел, и повалились недруги на землю, клубком сцепившись.

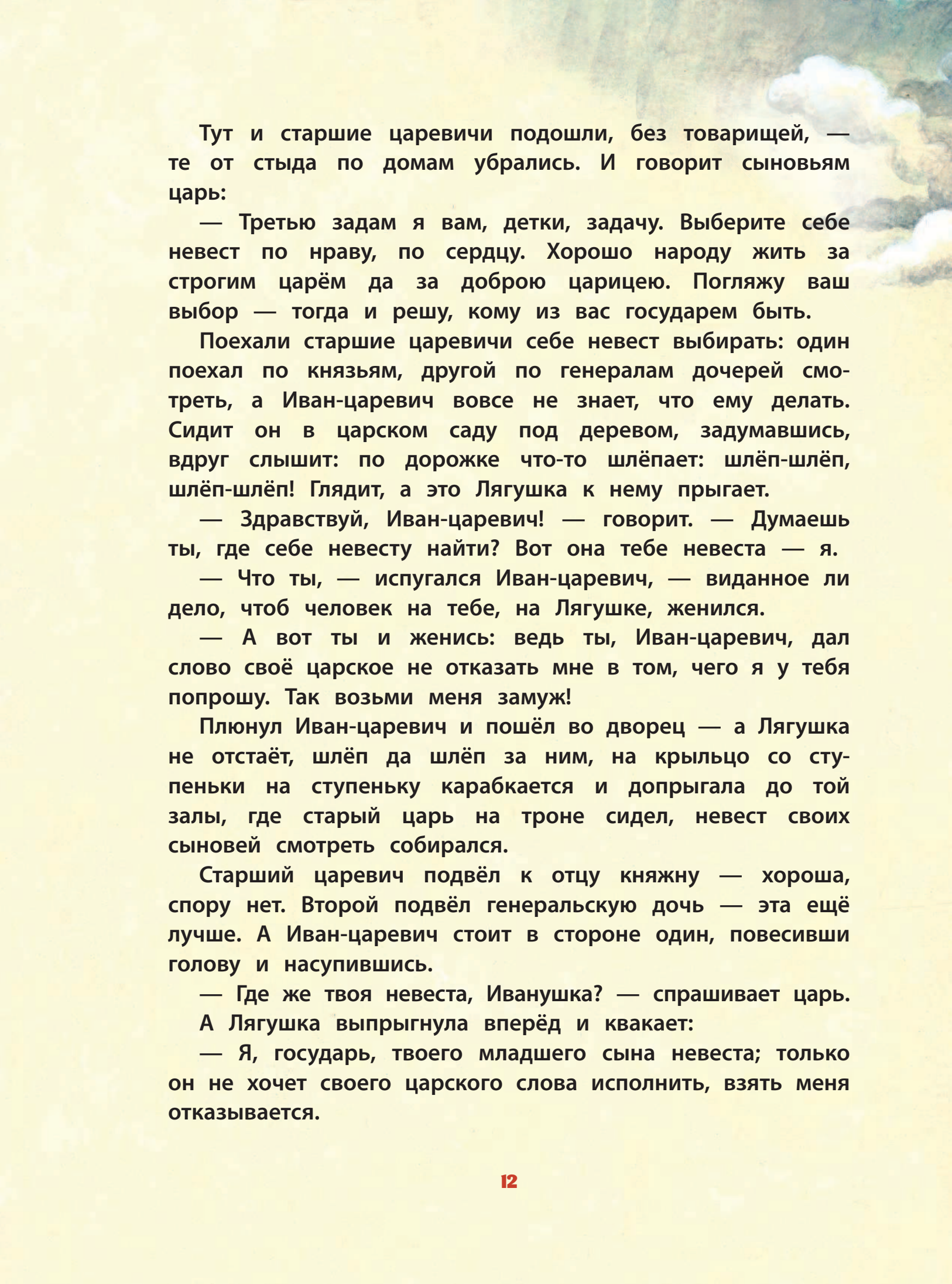
Все так и ахнули, даже братья на деревьях замерли.

«Эх, — думает Иван-царевич, — заламает медведь мою собаку!»

Ан глядь — вскочил пёс целый-невредимый, а медведь мёртвый на снегу лежит.

Подбежал пёс к Ивану-царевичу, руки ему лижет, ластится.

— Ну, Иванушка, — говорит царь, — настоящего ты себе товарища выбрал: этот не выдаст в беде — не то что твоих братьев приятели.

Тут и старшие царевичи подошли, без товарищей, — те от стыда по домам убрались. И говорит сыновьям царь:

— Третью задам я вам, детки, задачу. Выберите себе невест по нраву, по сердцу. Хорошо народу жить за строгим царём да за доброю царицею. Погляжу ваш выбор — тогда и решу, кому из вас государем быть.

Поехали старшие царевичи себе невест выбирать: один поехал по князьям, другой по генералам дочерей смотреть, а Иван-царевич вовсе не знает, что ему делать. Сидит он в царском саду под деревом, задумавшись, вдруг слышит: по дорожке что-то шлёпает: шлёп-шлёп, шлёп-шлёп! Глядит, а это Лягушка к нему прыгает.

— Здравствуй, Иван-царевич! — говорит. — Думаешь ты, где себе невесту найти? Вот она тебе невеста — я.

— Что ты, — испугался Иван-царевич, — виданное ли дело, чтоб человек на тебе, на Лягушке, женился.

— А вот ты и женись: ведь ты, Иван-царевич, дал слово своё царское не отказать мне в том, чего я у тебя попрошу. Так возьми меня замуж!

Плюнул Иван-царевич и пошёл во дворец — а Лягушка не отстаёт, шлёп да шлёп за ним, на крыльцо со ступеньки на ступеньку карабкается и допрыгала до той залы, где старый царь на троне сидел, невест своих сыновей смотреть собирался.

Старший царевич подвёл к отцу княжну — хороша, спору нет. Второй подвёл генеральскую дочь — эта ещё лучше. А Иван-царевич стоит в стороне один, повесивши голову и насупившись.

— Где же твоя невеста, Иванушка? — спрашивает царь.

А Лягушка выпрыгнула вперёд и квакает:

— Я, государь, твоего младшего сына невеста; только он не хочет своего царского слова исполнить, взять меня отказывается.

Поглядел старый царь на Лягушку и задумался: не простая это лягушка, и молвь у неё человечесья, и рост не лягушачий.

— Ну, — говорит царь, — Иванушка, что ж ты молчишь? Правда ли, что своё слово сломать хочешь?

Махнул Иван-царевич рукой, вышел вперёд и рассказал отцу, как всё дело было, ничего не утаивши. Ещё пуще задумался царь, а потом говорит:

— Что же делать, сынок? Сказано: давши слово — держись. Значит, судьба твоя такая: женись на Лягушке.

Справили свадьбы. Старший царевич женился на княжне, средний — на генеральской дочери, а младший, Иван-царевич, в корзинке Лягушку домой принёс. Сидит дома, никуда не выходит: стыдно на свет Божий показаться.

Через недолгое время присылает к нему старый царь слугу с наказом: хочет-де он узнать, какие его снохи мастерицы, — и велит им сшить ему на завтра к утру по рубашке. Выслушал Иван-царевич отцовский наказ и загрузил, призадумался.

«Разве, — думает, — может Лягушка к утру рубашку сшить?»

А Лягушка увидела, что Иван-царевич затосковал-запечалился, да и спрашивает:

— Какая, муженёк, забота у тебя на сердце?

— Эх, — говорит Иван-царевич, — слышала, что отец-то мне приказал?

— Ничего, муженёк, — говорит Лягушка, — не стыдись раньше времени, ложись-ка спать: утро вечера мудренее.

Как заснул Иван-царевич, Лягушка три раза оземь ударилась да и обернулась душой-девицей Марьей Прекрасной. Вышла она на крыльцо и крикнула:

— Эй, слуги мои верные, няньки-мамки, принесите мне сорочку, что мой батюшка по воскресеньям носит!

На другое утро проснулся Иван-царевич, а Лягушка ему говорит:

— Возьми-ка, муженёк, рубашку, что я твоему батюшке за ночь сшила.

Взял Иван-царевич рубашку и понёс отцу, а там уже старшие братья дожидаются.

— Здравствуйте, детки, — говорит старый царь, — покажите-ка ваших жён работу.

Сыновья поклонились, поднесли царю сорочки. Посмотрел царь на рубашку, которую старший сын поднёс.

— Ну, ничего, — говорит, — сойдёт в баню надевать. Посмотрел на рубашку, что средний сын поднёс.

— Ладно, и в этой спать можно.

А как взглянул на рубашку, что Иван-царевич держал, так и ахнул.

— Эту, — говорит, — рубашку, коли доживу, в Светлый праздник надену.

Опять прошло немного времени, шлёт старый царь сыновьям наказ, чтобы испекли их жёны ему по хлебу: хочет-де он знать, хороши ли они по дому хозяйки. А старшая сноха решила выведать, как это выходит, что Лягушкина работа всегда лучше других оказывается. Послала она девку-чернавку посмотреть, как Лягушка хлеб будет печь. А Лягушка заболтала муку на холодной воде, выплеснула болтушку эту в печь и говорит Ивану-царевичу:

— Ложись-ка, муженёк, спать, не задумывайся: не осрамлю тебя перед батюшкой.

Рассказала старшим снохам девка-чернавка, что видела, а те так и сделали: повыплескали в печь на холодной воде болтушку, и вышло у них неведомо какое месиво вместо хлеба.

А Лягушка, как заснул Иван-царевич, опять ударилась оземь, обернулась Марьей Прекрасной, вышла на крыльцо и крикнула:

— Эй, няньки-мамки, сенные девки, принесите-ка мне хлеб, что у моего батюшки по праздникам на стол подают!

Наутро взял Иван-царевич хлеб и пошёл к отцу. Подносит старику отцу хлеб старший сын, попробовал царь.

— Ладно, — говорит, — у меня и слуги не хуже едят.

Поднёс средний сын, царь говорит:

— Что-то жёсток твой хлеб да горек.